

Все были ошеломлены, слушая холодные слова Юнь Цзянь, не ожидая от нее такой откровенности.

Они точно знали, о чем она говорит, но такая, как Цинь Юйроу, никогда бы не сказала об этом вслух при старших.

Даже когда ее семья была в нищете, она уступала настолько, насколько могла.

Теперь, когда дочь так прямо указала на это, Цинь Юйроу почему-то почувствовала, что у нее защемило в носу. При воспоминании о том, через какие трудности ей пришлось пройти за эти годы, и о том, как ее семья была отстранена от дел, на глаза навернулись слезы.

Когда слезы покатались, Цинь Юйроу поспешно отвернулась от всех, чтобы молча вытереть их.

Если бы не Сяо И и Сяо Цзянь, она бы не смогла выжить.

Юнь Цзянь ничего не говорила, успокаивающе поглаживая спину Цинь Юйроу круговыми движениями.

Она не чувствовала, что ее слова были неправильными. Если бы она не сказала правду, этот вопрос мог бы стать источником мучений Цинь Юйроу на всю жизнь. Чжан Мэйхуа и остальные члены семьи будут эксплуатировать ее вечно.

Юнь Цзянь знала, что она никогда не испытывала ничего подобного и не знала, как противостоять им, но это был единственный раз, когда она отказалась сдаваться.

Если бы они уступили Чжан Мэйхуа, то это означало бы, как низко они могли бы опуститься для них! Юнь Цзянь не могла смириться с таким исходом.

Чжан Мэйхуа и остальные члены семьи были шокированы, но первая не испытывала угрызений совести или стыда.

То, что было сказано, было реальностью, однако, правда не была чем-то приятным, когда о ней говорили другие.

Поэтому Чжан Мэйхуа еще яростнее ударила по столу и закричала на Юнь Цзянь: «Я родила твою мать! Она – кусок плоти, вышедший из моей утробы! Без меня ее бы здесь не было! Не говоря уже о возможности иметь тебя!»

Все знали, что Чжан Мэйхуа имела в виду "ты должна меня слушаться".

Взорвавшись, Чжан Мэйхуа схватила со стола перочистку и ударила ею по столешнице, упрекая Цинь Юйроу: «Цинь Юйроу, посмотри, какую дочь ты родила! Сторонится посторонних и говорит всякую ерунду!»

Не обращая внимания на слезы, текущие по лицу Цинь Юйроу, Чжан Мэйхуа осуждала Юнь Цзянь перед ней: «Твоя дочь несправедлива и мелочна! Кем она может вырасти, если уже в юном возрасте стала такой!»

Чжан Мэйхуа была в ярости. Когда Юнь Цзянь сняла дымовую завесу перед всеми, она не смогла сдержаться, так как была эгоистична.

После Чжан Мэйхуа в разговор вступила Цинь Цзюньлань, поддакивая своей матери.

Цинь Лайцянь и остальные тоже поддержали Чжан Мэйхуа.

На самом деле, дед Юнь Цзянь скончался несколько лет назад от болезни. Владелица тела была тогда еще маленькой девочкой. По ее воспоминаниям, дедушка был необычайно добр к Цинь Юйроу и относился к ней с любовью. Иногда он даже тайно отдавал Цинь Юйроу свою заработанную тяжелым трудом зарплату, чтобы помочь ей свести концы с концами.

Конечно, все это делалось за спиной Чжан Мэйхуа.

После смерти ее деда, Цинь Юфу, в семье больше не было никого, кто бы заступился за Цинь Юйроу.

Поэтому Цинь Юйроу редко навещала свою семью. Даже когда она покинула семью Юнь, она не захотела возвращаться к своим родственникам. Вместо этого она взяла с собой детей и покинула город Синьцзянь, чтобы отправиться к своему старому другу.

«Мне не нужен человек, который не имеет ко мне никакого отношения, рассуждающий о том, смогу ли я чего-то добиться. Старая карга, попробуй сказать хоть слово. Я позабочусь о том, чтобы никто из вас не увидел завтрашний рассвет!» – Юнь Цзянь утешила Цинь Юйроу и повернулась к Чжан Мэйхуа и остальным.

Ее глаза странно налились кровью, она была похожа на дьявола-убийцу.

Цинь Цзюньлань, стоявшая рядом с Чжан Мэйхуа, увидела взгляд Юнь Цзянь и почувствовала, что ее взгляд дрогнул.

«Она – она! Она!» – воскликнула Цинь Цзюньлань, указывая на Юнь Цзянь. Она вдруг вспомнила, что именно Юнь Цзянь раздавила деревянный табурет прямо перед ней, когда они были в больнице, и что именно она вытащила всех из-под обстрела снайпера, когда они были в отеле.

Взгляд пугающей Юнь Цзянь тогда и ее нынешний взгляд были абсолютно одинаковыми.

«Чего ты кричишь!» – тон Чжан Мэйхуа по отношению к Цинь Цзюньлань был гораздо мягче, но она все равно осуждала ее за крик.

Чжан Мэйхуа даже мысленно ворчала. 'Юнь Цзянь просто смотрела на них, неужели Цинь Цзюньлань могла испугаться до такой степени? Девочка была всего лишь ребенком!'

«Мама, ты не представляешь, она одним ударом разбила деревянную табуретку, когда мы были в больнице! Когда мы встретились в отеле, она даже... даже оттолкнула нас, чтобы избежать пуль снайпера!» – Цинь Цзюньлань внезапно вскрикнула от страха, вспомнив эти сцены.

«Что!» – когда Чжан Мэйхуа и Цинь Лайцянь слышали ее слова, их голоса прозвучали как взрыв бомбы замедленного действия, заложенной прямо под ними.